

Мужской стриптиз на снегу

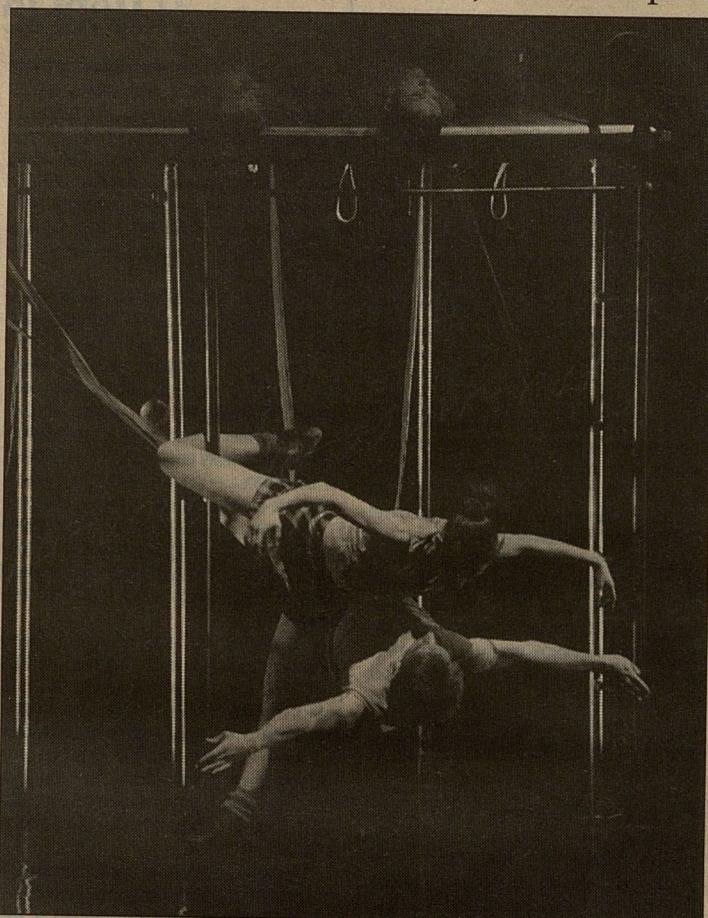
ЦЕХ раскинул сети, в NET первым заработал цех современного танца

В первый календарный день зимы в Москве стартовали сразу два фестиваля – ЦЕХ и NET. Один представляет российские театры танца, другой – Новый европейский театр (New European Theatre), по преимуществу драматический. Тем не менее, открылся NET моноспектаклем французского хореографа и танцовщика Жозефа Наджа "Дневник неизвестного". А ЦЕХ – "Сеансом одновременной игры" одного из лидеров и подвижников отечественного contemporary dance Саши Пепеляева, чьей инициативе и личным усилиям фестиваль (в значительной степени) обязан своим существованием сам.

"Полуночники" – первая из показанных в России постановок Наджа (как теперь говорят, этнического венгра, родившегося в Югославии) просто заворожила столичного зрителя. Парадоксально, но от этого поставленного по мотивам Кафки произведения исходили удивительный внутренний свет и душевная теплота. Мир кафкианских метаморфоз отражался здесь в зыбкой, ускользающей атмосфере существующего на грани сна и реальности спектакля. Надж полюбился нежным отношением к своим странным, словно загнилотирированным героям, обитающим на пограничной территории – фантазии и действительности, безумия и нормы, истории и вымысла, конкретной пьесы и пространства всей мировой драматургии... Его называют хореографом своей памяти. Подобно другому своему соотечественнику, кинорежиссеру Эмиру Кустурице, он не устает инсценировать свое прошлое.

По признанию хореографа, поводом к постановке "Дневника неизвестного" послужили воспоминания о трех товарищах юности времен учебы в Будапештском университете. Двое из них покончили с собой, третий, сойдя с ума, пытался уничтожить картину в каком-то музее. Надж не идентифицирует себя ни с одним из них. Его герой лишь "приглядывается" к другим судьбам, только пробует примерить на себя способы чужого существования, ведущие к суициду – петле, топору, другим возможностям свести счеты с жизнью. Его тело то с готовностью откликается на координаты нового пластического образа, то категорически восстает против совершаемого над ним насилия, обрасывая с себя чужеродную "мучительную" пластику, как строптивая лошадь ездока.

Танцевальные спектакли Жозефа Наджа "собирают" всю театральную Москву. Если говорить о зрителях ЦЕХа, то "узкий круг этих революционеров": в зале – в основном люди, интересующиеся танцем модерн. На ТВ существуют передачи – "Эпизоды" и "Острова". Так вот коллективы современного танца в России – даже не острова, а островки, а их история

Сцена из спектакля "Знает ли жизнь английская королева?"

– только частные эпизоды культурной жизни страны, из чего и произрастают все проблемы отечественного contemporary dance.

Один из лучших современных хореографов Ольга Пона в рамках ЦЕХа показала спектакль "Знает ли жизнь английская королева?". Название подсказано "Энциклопедией русской души" Виктора Ерофеева, утверждающей, что вышеупомянутая особа как раз жизни-то и не знает. А жизнь в спектакле – жестокая борьба за выживание, за место на высоком сооружении, напоминающем нары. Отношения между партнерами – безлично агрессивны. В отличие от иных постановок Пона, где женщина находилась в вечном ожидании мужчин, здесь представители обоих полов выступают на равных. Мужской танец энергичен, груб, спортивен, а сами крепкие, широкоплечие танцовщики слегка напоминают бражников. Женщины не так брутальны, но не менее напористы и активны. Танцовщики и танцовщицы существуют автономно. Сталкиваясь, как партнеры, они остаются безразличными друг к другу, с блеском справляясь с изобретательными, непредсказуемыми движениями, сочиненными хореографом. Содержанием спектакля (что необычно для эмоционально за-

ном спектакле "Noise & Silence" исследуют связь между компьютерными технологиями и движением, способным по-разному выражать один и тот же звук. Вторые увлечены "играют в игры" сами с собой и с партнерами (в спектакле три танцовщика), обрисовывают друг друга и "себя любимых" цветными мелками. В общем, резвятся от души, назвав это действо: "Игра в декаданс". Впрочем, названия спектаклей к содержанию зачастую никакого отношения не имеют. Например, так и осталось неясным: куда "Пропала зима" в забавном спектакле с данным названием в исполнении пяти танцовщиц-клоунесс гомельского "Квадро" (одна из них – основательница и хореограф труппы Инна Асламова).

В "Сеансе одновременной игры" Саша Пепеляев – любитель поиграть смыслами – не поступил своими творческими привычками. Его постмодернистское, порой схоластичное пристрастие к различного рода играм здесь находит живое "театральное" выражение. "Сеанс одновременной игры", по замыслу автора, – момент одновременного существования на сцене героев разных произведений, чье "выживание" зависит от скорости реакций и умения взять нить действия в свои руки. Шесть персонажей, шесть танцоров находятся в поисках своей пьесы. Они объединяются в дуэты,

трио. Исполняют соло. Танцуют все вместе. Перехватывают друг у друга инициативу. Забавляются со своей тенью за экраном, которая оказывается вовсе не тенью, а загадочным силуэтом, живущим самостоятельной жизнью. Будучи подвергнут причудливым метаморфозам, он потом бесследно исчезает, уйдя, возможно, в еще не сочиненную пьесу. Новым персонажам нет места в старом спектакле, где звучат отголоски прокофьевских "Ромео и Джульетты" и обрывки шекспировских монологов, а в оставшемся пространстве беспрестанно "перемешиваются" танец, тени и видеоряд.

"Миксы" на территории современного танца – вещь обыденная: образуются и распадаются коллективы, артисты объединяются по двое, по трое, ставят друг для друга и для самих себя... Для таких работ ЦЕХ предоставил Малую сцену, где выступили с соло опытные "П.О.В.СТАНЦЫ" Саша Конникова, Альберт Альберт, Тарас Бурнашев, работающая в России французка Эммануэль Горда и танцовщица Кинетического театра Саши Пепеляева Дарья Бузовкина. Помимо соло, она вместе с Бурнашевым показала спектакль-дуэт "Снег", работу вполне скромную... не раздвинула партнер аж посередине спектакля догола и не протанцуй в таком вот неприглядном виде до самого финала. Правда, Бузовкиной в четко сработанном танго почти всегда уда-

ется "прикрыть своим телом" самые интимные места Бурнашева. Разгадать сакральный смысл этого проявления экспрессионизма не так-то просто. Можно лишь предположить, что партнер, поначалу облаченный во все белое и всячески "окутывавший" партнершу, олицетворял снег. А стриптиз, очевидно, означал, что снег растаял. Вот такая аллегория!

И еще один дуэт на музыку Глюка "прозвучал" в малой программе – "Не сон" в постановке Лики Шевченко и Романа Андрейкина, одного из лучших наших танцовщиков. Он вместе с Ульяной Бачерниковой и исполнил этот экспрессионистски яркий, выразительный, нервный, как крик, танец на вечный сюжет – уходящий мужчина и пытающаяся удержать его женщина.

Резюме: резко выросло мастерство практически всех участников. Иные коллективы, грешившие непрофессионализмом, сегодня работают на хорошем европейском уровне. Спектакли обрели вынятность и сдержанное спокойствие, их язык – большую простоту и сложность одновременно. Ушли в прошлое неопитная экстремальность и заикливость на стремлении удивить, но вместе с ними – и живая непосредственность, свойственная дилетантам. Увы.

Алла МИХАЛЕВА
Фото Надежды БАУСОВОЙ

Ж.Надж в сцене из спектакля "Дневник неизвестного"

Кувьтура. - 2004. - 16 - 22 Дек. - с. 13